

Бердибек СОКПАКБАЕВ
МЕНЯ ЗОВУТ КОЖА

(главы из повести)

В СЕДЬМОЙ ГЛАВЕ

говорится о том, как мы с Султаном оседлали двумя сёдлами одну лошадь, о том, как Султан учил меня курить, и чем всё это кончилось

Утром, едва я успел попить чаю, к нашему дому верхом на лошади подъехал Султан.

- Черный Коже, ты дома?
- Дома, дома.
- Ну как, готов?
- Готов!
- Выноси седло.

Я взял седло и вышел наружу. Султан с важным видом восседал на поджаром саврасом трёхлетке. К моему удивлению, на поводу у него и в помине не было никакой, даже самой дохлой клячи.

– А где же для меня лошадь? – спросил я разочарованно.

– А это что, по-твоему? – удивлённо ответил Султан, хлопнув рукой по крупу коня. – Клади седло.

– Куда?

– Сюда, позади меня. Ты плохо знаешь этого жеребца. Он, будь здоров, может довести нас не только до джайляу, но даже и до самой Алма-Аты.

– Мы что, на одного коня взвалим два седла? – поразился я.

– Чему ты удивляешься? Всё будет отлично, вот увидишь!

Мне до этого дня, признаться, не приходилось встречать казахов, седлавших коней двумя сёдлами. Идея Султана показалась мне и в самом деле заманчивой и интересной. Я устроил седло позади него, подтянул подпруги и взобрался верхом. И в эту минуту вышла моя бабушка.

– О господи, что же это такое? – ахнула она и, прикрыв рукой глаза от солнца, с удивлением уставилась на нас. – Ах проказники, ах хитрец, ведь это ты придумал? – сказала она Султану.

Я чувствовал себя превосходно. Так действительно было гораздо удобнее, чем без седла. Ноги не болтались, потому что у каждого из нас были свои стремена.

Протрусив по двум-трём улицам, мы подъехали к магазину и остановились около него. Перекинув ногу через гриву коня, Султан спрыгнул на землю и, передавая мне поводья, сказал:

– На, держи. У тебя деньги есть?

– А что?

– Сколько?

– Пять рублей. А что?

– Всего-то? Ну ладно, давай сюда.

Как я мог отказать Султану, сидя на его коне? Я не спеша расстегнул пуговицу на нагрудном кармане и нехотя полез в него рукой.

– Эй, чего ты там копаешься?

Как же мне было не копать, если на то была причина?

– Подожди, я что-то найти не могу.

– Может быть, они у тебя в другом кармане?

– Нет, были в этом.

Я медлил. В кармане-то у меня лежали две хрустящие бумажки, но я не мог определить на ощупь, какая из них пятирублевка. В конце концов я решился и, надеясь на удачу, вытащил одну из них. О ужас! Едва я заметил высушенный из кармана бумажный краешек, как сердце мое дрогнуло, а внутри заныло. То, что я вытащил, оказалось десяткой.

– Эй, так это же червонец! – обрадовался Султан. – Ох и хитер же ты, Черный Коже! Ну не можешь никак, чтобы не схитрить. Ладно, червонец так червонец, давай его сюда!

– Я думал, что это пять рублей, а оказалось – десять, – оправдывался я, пытаюсь скрыть своё смущение.

Едва Султан, прихватив мою десятирублёвку, скрылся в магазине, как я снова сунул руку в карман, где оставалась вторая бумажка, и вытащил её. Это были пять рублей. Те самые, которые меня так подвели и опозорили. Я так разозлился, что хотел было назло всему разорвать их на части и вышвырнуть вон. Но глядя на и без того истерзанную, измятую бумажку, я пожалел её и снова спрятал в карман.

Султан вскоре вышел из магазина, что-то жуя на ходу. Карманы его брюк галифе были чем-то набиты.

– Что ты купил? – спросил я его.

– Кое-чего на довозку, – ответил Султан, еле ворочая языком, желая, видимо, сказать «на дорожку».

Он взял из моих рук поводья и снова вскочил на коня.

– Ну, поехали, – стал торопить его я. Мне вовсе не хотелось, чтобы Жанар увидела, как я торчу на коне за спиной у Султана.

Мы выехали из аула, оставив позади себя последний из домов. Султан вытащил из кармана брюк два пряника и протянул один из них мне. Дружно похрустывая, мы неторопливо двигались по степной дороге, и копыта саврасого гулко стучали по каменистой земле.

Через некоторое время Султан обернулся и спросил меня:

– Ты куришь?

– Нет, – ответил я.

Продолжая сидеть вполоборота, Султан натянул поводья, вынул из кармана пачку сигарет, распечатал её и протянул мне:

– На, учись.

– Да нет, кури сам, – отказался я.

– Как это ты до сих пор не научился курить? – принялся стыдить меня Султан. – А ну, давай учись, пора уже. На, бери!

Я послушно вытащил из пачки сигарету, сунул её в рот. Султан зажёл спичку. Прикурив, я усердно задымил, делая одну затяжку за другой. Рот мой наполнился едким вонючим дымом.

– Эх ты, неграмотный, – произнёс укоризненно Султан, заметив, как я курю. – Разве так курят? Какие хорошие сигареты попусту переводишь! Тяни внутрь! Вот так, видишь? Набери полный рот дыма, а потом проглоти его.

Какими же глупыми бывают порой дети! Ведь знают о некоторых вещах, что это очень вредно, а тянутся к ним словно слепые щенки. Вот и мне стало вдруг любопытно: что, интересно, будет, если проглочу? Дай-ка попробую!

Если с вами случалось такое несчастье, то наверняка вы поймете мое состояние. Едва я наполнил рот дымом и проглотил его, как в ту же секунду страшно ядовитый газ пронизал меня, заполнил всё внутри отвратительной

мутью. Дыхание перехватило, и я громко закашлялся. Из глаз брызнули слёзы. Вдруг всё перед моими глазами поплыло и, казалось, вот-вот опрокинется.

– Ойбай, подожди! – закричал я Султану и, перевалившись через коня, сполз на землю. Меня ужасно тошнило, но я не мог вырвать и лишь беспомощно скрючился на краю дороги.

– Бедняжка Черный Коже! Видно, погрёшь ты на три дня раньше своего срока! – посмеивался надо мной подлый Султан, вместо того чтобы посочувствовать мне. – Что я скажу теперь Миллат-апай? С каким лицом я появлюсь перед ней? Не мог, что ли, добраться до джайляу и уж там помирать, коль так приспичило? А здесь теперь возни с тобой будет невпроворот.

С той поры и по сей день я не только не курю, но бегу прочь, едва учу мерзкий ядовитый запах табака.

В ВОСЬМОЙ ГЛАВЕ **читатель познакомится с новым героем повести – Даулетом**

Всё тем же неторопливым шагом саврасый привёз нас после полудня в горное ущелье. Погода, стоявшая здесь, и природа, которая нас окружала, отличались от того, что было внизу, на равнине. Тут царила полная тишина, не слышно было даже мух. Из ущелья навстречу нам потянуло приятной прохладой. Вокруг, куда ни глянь, раскинулось пышное разнотравье, пестрели яркие цветы.

Долгая езда на лошади порядком утомила меня. Оказалось, что когда едешь сзади, трясёт гораздо больше. Я взглянул на Султана. Он сидел в седле в надвинутой на глаза кепке, подставив палящему солнцу покрасневший от загара затылок, и был совершенно спокоен. Мне неудержимо захотелось раскинуться на нежной и мягкой, словно бархат, траве рядом с бьющим неподалёку родником.

– Султан, что, если нам немного отдохнуть? – обратился я к другу.

– Устал?

– Пить хочется.

– Вот проедем ещё немного и доберёмся до юрт чабанов, у которых полно кумыса. Там и отдохнём, – ответил Султан.

Так оно и оказалось. Обогнув ближайший горный выступ, мы увидели не вдалеке справа одинокую юрту. Обветшалая, потемневшая от времени кошма, которой обтянули юрту, была покрыта сверху белым, новым тундиком¹. У входа на сплетённой из чия циновке сушился свежий курт. Вокруг юрты тут и там валялись кизячные лепёшки. Рядом раскинулось пастбище. По всему было видно, что мы оказались на старой стоянке. Поодаль от юрты на привязи мы увидели двух жеребят. Один из них, мухортой масти, неподвижно растянулся на земле, прогревая свой бок на солнцепёке. Другой замер рядом, поникнув головой и словно прислушиваясь к земле.

– Слава богу, скоро мы с тобой вдоволь напьёмся кумыса, – подбодрил меня Султан и направил коня к юрте.

Неожиданно навстречу нам, громко и яростно лая, выскочили три собаки. Одна из них, вислоухая, белогрудая, размером с годовалого телёнка, подбежала ближе и, хрипло, отрывисто лая, стала кидаться на коня, подпрыгивая чуть ли не до его морды. Другая, подвижная чёрная сучка, словно не желая подпускать коня к дому, вцепилась в его хвост и тянула назад.

Однако характер у моего Султекена был гораздо хуже, чем у этих собак. Он принялся размахивать камчой налево и направо, доводя этим собак до

---

¹ Түндік – кошма, прикрывающая купол юрты.

неистовства, и, сопровождаемый невообразимым шумом, подъехал наконец к юрте и остановился у её дверей.

В этот момент полог, прикрывавший вход в юрту, откинулся, и из неё вышел светлолицый веснушчатый мальчишка лет одиннадцати-двенадцати. На голове его красовалась зелёная пограничная фуражка. Похоже, она была ему великовата, и чья-то неумелая рука присобрала фуражку сзади и грубо зашила чёрными нитками. Не обращая на нас внимания, мальчик быстро подбежал к шесту, стоявшему у юрты, и принялся отгонять собак.

– Пошли отсюда, быстро! На место, Алыпсок, на место!

К моему удивлению, огромная собака по кличке Алыпсок сразу же послушалась своего маленького хозяина. Сердито рывкнув напоследок, она недовольно взглянула на нас и не спеша пошла прочь. Вслед за ней исчезли и другие собаки. Только теперь мальчик с шестом повернулся к нам.

– Чей это дом? – не сходя с коня, спросил Султан у веснушчатого мальчугана.

– Это дом Жумагула.

– А чем занимается Жумагул?

– Пасёт баранов.

– Кто дома?

– Никого.

– А где твоя мать?

– Она пошла в аул, который находится вон у того перевала.

– Кумыс есть?

– Нет, кумыса нет. Здесь недавно были люди и весь выпили.

– Что, совсем ничего не осталось?

– Ничего... не осталось, – ответил нерешительно мальчик.

– Зачем врать-то? Куда ты дел бурдюк с кумысом, прикрытый вещами и привязанный к решетке юрты?

– А кто тебе об этом сказал?

– Жумекен. Мы встретили его по дороге с отарой овец. Он сказал, что под вещами, у стенки стоит бурдюк с кумысом, и чтобы мы аккуратно, не расплескав, налили себе по пиале и выпили, – спокойно ответил Султан и тихонько толкнул меня в колено, чтобы я не подавал вида.

Разинув от удивления рот, мальчик застыл в полном недоумении. Вероятно, случайная выдумка Султана попала точно в цель, и он теперь напряженно соображал, как быть.

Заметив на его лице сомнение, Султан решительно сказал:

– Пора нам отдохнуть, – и повернул коня к столбу.

Мы спустились на землю, привязали коня и направились к юрте. Веснушчатый по-прежнему не двигался с места, провожая нас молчаливым взглядом. Похоже было, его одолевали сомнения и он не знал, как быть.

В юрте царили полумрак и прохлада. Султан, словно оказавшись в доме своего ближайшего родственника, развалился на торе¹ и, пользуясь отсутствием хозяина, приподнял сложенные у стены вещи и заглянул под них. Там действительно стоял привязанный к решетке пузатый бурдюк с кумысом.

В юрту нерешительно, будто опасаясь чего-то, вошёл мальчик и застыл у порога. На нём была голубая сатиновая рубашка, которая сильно села от множества стирок. Подол её едва доставал до пояса штанов, из-под него виднелся круглый, как мяч, смуглый живот.

– Эй, как тебя зовут? – спросил Султан.

---

¹ Тере – почетное место в юрте.

– Даулет.

– Какое красивое у тебя имя! Даулет – самое прекрасное имя на свете! Моего старшего брата тоже зовут Даулет.

Насколько мне было известно, никакого брата у Султана никогда в жизни не было. Давая понять, чтобы я не выдал его, он незаметно ущипнул меня за бедро и продолжил:

– Имя это тебе дали, без сомнения, затем, чтобы ты всегда был богатым, гостеприимным и щедрым человеком. Слушай, Даулет, мы очень спешим. Налей-ка нам по пиале кумыса.

– Меня мама заругает. Она сказала, что мы его отправим в аул.

– Что отправите?

– Кумыс.

– Но уважаемый Жумекен сам разрешил нам выпить немного кумыса.

Давай, неси сюда пиалы.

– Мама заругает...

– Не заругает, мы тебе заплатим деньгами.

Султан вынул из кармана брюк несколько мятых рублёвок и показал их мальчику. Тот уставился на них, словно не веря в их подлинность.

– Да, да, мы тебе заплатим, – поддержал я Султана, решив, что так было бы более человечно, чем просто обмануть простодушного Даулета.

– А если сейчас придет мама, что мне делать?

Это означало, что Даулет наконец согласился.

– Не придёт! – вскочил с места Султан. – Откуда она должна появиться?

Пусть этот, – он ткнул в меня пальцем, – пока последит в щель, а мы с тобой быстренько разольём кумыс по пиалам.

Даулет протянул руку:

– Сначала дай деньги.

– На, – сказал Султан и сунул Даулету рубль.

– Он рваный и старый.

– Ну тогда возьми вот этот, – поменял Султан потрёпанный рубль на новую хрустящую бумажку.

Волшебная сила денег резко изменила выражение лица Даулета. Теперь в глазах его ожили радостные искорки, и он смотрел на нас гораздо приветливее.

За действиями Султана трудно было уследить. Неуловимым для глаз движением руки он извлёк припрятанный бурдюк и быстро развязал шнурки. Даулет принёс из-под навеса небольшую синюю кастрюльку, в которую, видно, уже раньше наливали кумыс.

– Ну-ка, подставляй! – Султан приподнял бурдюк и одним махом налил в кастрюлю чуть больше половины.

– Много! – взвизгнул Даулет.

– Ничего страшного, – успокоил его Султан.

Так же молниеносно Султекен сунул бурдюк на прежнее место. Затем мы взяли по пиале и, зачерпнув, с жадностью набросились на долгожданный напиток. Поставив опустевшую кастрюлю под навес, Даулет подошёл к Султану.

– Дай ещё рубль, – снова протянул он руку.

– За что? – не понял Султан.

– Вы выпили не две пиалы, а гораздо больше.

– Эй, глупец! – рассердился Султан. – Да разве мы хотели столько выпить? Мы же боялись, что появится твоя мать и тебе от неё достанется! Вот из жалости к тебе и выпили всё, что было. Зря, конечно, я столько выпил. Вон как живот раздуло!

Не зная, что сказать, Даулет молча стоял и таращил на нас глаза.

– Дай лучше нам чего-нибудь поесть. От этого кумыса у меня изжога началась, – сказал ему Султан.

Даулет опустил протянутую руку и спросил:

– Хлеб будете есть?

– Давай, неси сюда. А масло есть? Неси и его.

Султан пошёл под навес вместе с Даулетом.

– Это варёная грудинка?

Даулету, видно, понравилось торговать – он поспешно предупредил:

– За еду тоже заплатите!

Султан схватил недоеденную кем-то грудинку и, торопливо вгрызаясь в неё, согласно кивнул:

– Ладно, заплатим.

– Плати сейчас.

Султан дал Даулету ещё один рубль. Мы намазали маслом по куску хлеба и с удовольствием проглотили их.

– Ну, пошли, – сказал Султан.

Едва мы направились к выходу, как Даулет преградил мне дорогу.

– Хочешь перочинный ножик?

– Покажи какой, – сказал я.

Даулет вынул из кармана штанов ножик и показал мне. Это был обычный маленький дешёвый перочинный ножичек. Мне он не понравился.

– А ремень не хочешь?

– Какой?

Даулет задрал рубашку и, представив моему взору свой смуглый чумазый живот, показал ремень, которым был подпоясан.

– А как же ты сам? Как штаны держаться будут?

– Ничего, я их чем-нибудь подвяжу.

Не знаю отчего, но мне вдруг стало жалко Даулета. И я подумал, что было бы совсем уж подло с нашей стороны ограбить его вплоть до ремня.

– Нет, не хочу, до свидания!

– До свидания, – ответил Даулет с сожалением.

Мы быстро вскочили на коня и, вновь взбудоражив псов, поехали дальше. Белогрудая собака, не изменяя своей привычке, высоко подпрыгивая, кидалась с хриплым лаем на коня, в то время как сзади его хвост опять теребила шустрая чёрная сучка.

Султан пытался настигнуть переднюю собаку и огреть её камчой по морде, однако умудренный жизнью пёс ловко увёртывался от ударов. Он яростно и неотступно атаковал коня, точно придерживаясь дистанции, недосягаемой для камчи. Я обернулся и посмотрел назад. У юрты всё ещё стоял, провожая нас долгим взглядом, маленький «торговец» Даулет в голубовато-зелёной кепке и вздёрнутой кверху рубахе.

В ДЕВЯТОЙ ГЛАВЕ говорится о том, о чём, прочитав её, вы сами узнаете

– Чёрный Коже, взгляни-ка сюда!

– Где это ты взял?

– Из них получится отличный малахай, не так ли?

В руках у Султана были две серые каракулевые шкурки. Странно, откуда они появились у него, с неба свалились, что ли? Я протянул руку и потрогал

их. Они были мягкими, словно шёлк, и безукоризненно выделанными: изнаночная сторона шкурок походила на гладкий белый лист бумаги.

– Эй, где ты это взял?

– Господь бог послал.

Я подумал, что если бы господь бог надумал одарить кого-либо из смертных, то начал бы он уж наверняка не с Султана.

– Скажи правду, откуда они у тебя?

– А тебе они нравятся?

– Красивые!

– Султекен чем попало не интересуется. Заруби себе это на носу!

Неожиданно на небольшой поляне перед нами показался чабан. Он вёл на поводу коня. Султекен поспешно выхватил из моих рук каракуль и спрятал в кожаную сумку, висевшую за его спиной.

– Молчи как рыба, Чёрный Коже!

Подозрение неясной тенью скользнуло во мне. «Не стянул ли этот пройдоха шкурки из той юрты?» – подумал я, испугавшись самой этой мысли.

Чабан стоял как раз на тропе, по которой мы ехали. Подъехав ближе, мы разглядели его. Это был среднего возраста мужчина с полным лицом и небольшой остроконечной бородкой. На голове его сидел выцветший под солнцем белый войлочный калпак¹.

– Саламалейкум, дедушка!

– Алейкумсалам. Нет ли у вас огонька, ребятки?

Султан вытащил из кармана спички и протянул чабану. У того, как оказалось, за отворотом калпака была припрятана готовая толстая самокрутка. Он торопливо прикурил её, сделал несколько жадных затяжек и с наслаждением выдохнул:

– Ух, как хорошо стало, дай бог вам здоровья, сынки! У меня, будь они неладны, кончились спички, и я уж сколько времени мучаюсь тут. Вы из какого будете колхоза?

Султан пихнул меня локтем и с ходу соврал:

– Из «Калинина».

Я удивился. Зачем он врёт? Почему он не назвал наш колхоз – «Новая жизнь»?

Мы двинулись дальше, и, когда отъехали достаточно далеко, я не утерпел и спросил Султана:

– Эй, почему ты сказал, что мы из «Калинина»? Зачем соврал?

– Какой ты глупый, Чёрный Коже! Кто знает, может быть, это тот самый Жумагул, хозяин юрты, в которой мы недавно пили кумыс? Что, если он хватится своего каракуля и бросится искать нас? Ведь нам тогда очень не поздоровится. Ну а теперь пусть ищет нас себе на здоровье в далёком «Калинине».

* * *

Первая бригада, в которой работала дояркой моя мать, располагалась за горной расщелиной в местечке Кабанды, у входа в широкое, поросшее девственными соснами ущелье.

Со стороны могло показаться, что здесь раскинулся целый аул: виднелось несколько белых юрт, шалашей и палаток, образовавших небольшое поселение. Неподалёку от жилья был сооружён скотный двор, огороженный

---

¹ Калпак – войлочная шляпа с орнаментом.

бревенчатой изгородью. В центре посёлка стоял вагон, в котором, вероятно, находилась контора. На его крыше развевался красный флаг, стены были увешаны лозунгами и плакатами (как я узнал позднее, вагон являлся одновременно и конторой и красным уголком бригады).

У одной из палаток, разбитой ближе к реке, стоял трехколесный мотоцикл. Сердце моё ёкнуло. «Это, наверное, опять противный Каратай приехал. Выходит, эта большая палатка – машина».

Я не ошибся. Рядом с палаткой у самовара хлопотала моя мать. Увидев нас, она удивлённо замерла на месте.

– Здравствуй, тётушка Миллат! – громко приветствуя её, подъехал ближе Султан и остановился. – Ваш сын не мог раздобыть себе лошадь, а пешком идти далековато, вот я и прихватил его с собой.

Я сразу узнал мотоцикл, стоявший у входа. Это был мотоцикл Каратая. В палатке виднелись чьи-то ноги в огромных кирзовых сапогах. Без сомнения, обладателем этих ног был тот же Каратай. Услышав наши голоса, он сразу подобрал ноги.

– Ты что, не поехал в лагерь? – холодно спросила меня мать.

– Нет.

Я почувствовал, что наш неожиданный приезд не понравился ей. Похоже, Султан тоже уловил её настроение и не стал слезать с лошади.

– Я приеду завтра и постараюсь найти тебе лошадь, – сказал он.

– Ладно.

– Я вижу, ты наконец нашёл себе товарища. Ещё нахлебаешься с ним горя.

– Сам знаю, что мне делать, – ответил я.

– Вижу.

Я вошёл в палатку. На торе, подперев щеку, лежал Каратай. Вероятно, он работал где-то поблизости и, уловив момент, рванул сюда. На нём был старый, потрёпанный, весь в масляных пятнах комбинезон. Однако борода, торчавшая обычно в беспорядке в разные стороны, на этот раз была аккуратно причёсана. Каратай поднялся и сел, скрестив под собой ноги. Почесав по привычке затылок и едва сдерживая улыбку, он заговорил со мной приветливо и тепло, стараясь вызвать к себе расположение.

– Что, приехал отдохнуть на джайляу? Правильно сделал. Здесь вдоволь кумыса, свежего воздуха, чем не благодать?

Вскоре мы втроём сели за чай. После чая мать стала собираться на дойку. Каратай попрощался с нами и уехал. Я смотрел вслед его мотоциклу, который мчался по бездорожью, сминая ярко-зелёную траву и оставляя за собой грязный чёрный след, и думал: «Зачем он всё время приезжает к нам? Что ему нужно? Ведь мама всё равно никогда не выйдет за него замуж. Ну а если выйдет...»

Эта мысль вселяла в меня ужас. Я гнал её прочь и старался не думать об этом. Прочь! Прочь, дурные мысли! Лучше я буду думать о Жанар, которая осталась далеко за этой горой. Жанар. Я помню, как ты растерянно озираясь по сторонам, когда я позвал тебя: «Жанар!»... Может, мне написать ей письмо – рассказать о том, как я добирался до джайляу? Каратай... тьфу, вечно он лезет в голову, о чём бы я ни думал. погоди, вот увидишь, я совсем не стану думать о тебе. Не буду думать ни минуты, хоть тресни!

Перевод Самал Сокпакбаевой.

